

В. П. К о з л о в

Н. М. КАРАМЗИН О БОРИСЕ ГОДУНОВЕ
(К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ
И ИСТОРИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ)

В последние годы усилился интерес к личности и творчеству Н. М. Карамзина. Из работ литературоведов и историков все более вырисовывается противоречивость мировоззрения Н. М. Карамзина, отразившего эволюцию идеологии просветительства в условиях российской действительности конца XVIII—начала XIX в., неоднозначность роли его личности в общественно-политической, литературной, культурной жизни России этого времени.

«История государства Российского» раскрыла философские, политические и нравственные идеалы Н. М. Карамзина. Повествуя о прошлом ярко и образно, Н. М. Карамзин стремился историческими примерами выразить и свое отношение к современной ему жизни, и с позиций идеологии «просвещенного абсолютизма» дать развернутый свод правил действий монарха и народа. Вместе с тем и сама современная историографу действительность оказывала огромное влияние на формирование его исторической концепции, корректировала, и подчас весьма основательно, оценки различных исторических событий и явлений — жизнь с ее животрепещущими проблемами врывалась и в Остафьевское имение князей Вяземских, где до 1816 г. работал историк, и в петербургскую квартиру, и царскосельский домик Н. М. Карамзина, где он продолжал свой труд после 1816 г. Приведем в доказательство этой мысли один пример.

В 1803 г., готовясь к задуманному ранее историческому труду, Н. М. Карамзин пишет ряд небольших очерков, написанных живо и занимательно, в лучшем карамзинском стиле, повествовавших о целом ряде интересных событий русской истории. Одним из них стали «Исторические воспоминания и замечания на пути к Троице», тогда же опубликованные на страницах издаваемого им журнала «Вестник Европы».

Среди разнообразного круга исторических сюжетов, затронутых в этом очерке, обращает на себя внимание рассуждение Карамзина о событиях русской истории конца XVI—начала XVII в. (период после смерти Ивана Грозного и до воцарения Лжедмитрия). В центре рассказа — Борис Годунов. Карамзин положительно оценивает царствование сына Грозного — Федора Ивановича, связывая это прежде всего с деятельностью Годунова — одного из тех, кто, по словам Карамзина, сам творит судьбу свою и доказывает чудесную силу природы. В представлении писателя это — русский Кромвель, человек с блестящими государственными дарованиями, благодаря которым, он, естественно, стал «душой» правительства при Федоре Ивановиче, много сделал для внешнеполитических успехов русского государства, разумно управлял им, был «ласков» к боярам и щедр к народу, заботился о просвещении страны, заслужив всем этим «общее уважение и любовь».

Далее, по Карамзину, Борис Годунов, предвидя скорую смерть Федора Ивановича, «спокойно» ожидал ее, а вместе с ней и царский трон. Когда это случилось, он «торжественно и свободно» был избран царем как единственный достойный кандидат. Став царем, пишет Карамзин, Годунов старался исполнять свои обещания — заботиться о благе подданных, быть правосудным. Он вел осторожную внешнюю политику, одержал ряд важных военных побед, просвещал народ и помогал ему во время страшного голода начала XVII в. Годунов представлен Карамзиным нежным супругом, заботливым отцом, самодержцем, стремящимся к искоренению ири дворе разврата, а в государстве — дурных нравов. Во время его царствования долгие годы в государстве были «изобилие, порядок, благоустройство».

Стремясь постигнуть характер Годунова, Карамзин утверждает, что его основу составляли выдающиеся способности, безграничное властолюбие и хитрость. Именно они, считает Карамзин, проявились в том, как Годунов стал фактически главой государства при Федоре Ивановиче, а затем царем. Не исключая причастности Годунова к смерти царевича Дмитрия, Карамзин решительно отрицает свидетельства русских и иностранных источников о каких-либо преступлениях Годунова, считая, что все они несут на себе отпечаток «лести царствующей фамилии Романовых». Карамзин осуждает лишь «беспокойную подозрительность» Годунова к «некоторым» древним боярским родам. Но и ее он склонен оправдать. Годунов, полагает Карамзин, не являясь наследственным царем, чувствовал свою ущербность, незнатность и, «хотев быть осторожным, сделался притеснителем». Кроме того, подозрительность и некоторые «притеснения» Годунова, по мнению Карамзина, могли быть естественными в силу «характера» его времени. Решительно отрицает Карамзин и какое-либо недовольство народа Годуновым.

В последующей судьбе Годунова Карамзин видит «занимательность» для историка. Злой рок преследовал этого самодержца

во время его царствования, провидение было к нему неблаго-склонно, возможно, даже решило «наказать» Годунова за причастность к убийству царевича Дмитрия. Видя успехи Лжедмитрия, покоряясь воле провидения, Годунов мог покончить жизнь самоубийством.

Такова общая канва представлений Карамзина о Борисе Годунове, данная в «Исторических воспоминаниях».

Будущий историограф подмечает в личности и деятельности Годунова в это время целый набор достоинств «идеального монарха», которые он пропагандировал тогда, в частности, и в «Историческом похвальном слове Екатерине II». Годунов, по Карамзину, достоин подражания как самодержец. Он лишь стал жертвой рока, на худой конец провидение наказало его за властолюбие самоубийством. Карамзин старался оправдать Годунова от обвинений русских летописей и историографии XVIII в. и даже реабилитировать его. В связи с этим он акцентирует внимание на достижениях Годунова как государственного деятеля, практически высоко оценивая все его мероприятия в области внешней и внутренней политики.

Иначе описано время конца XVI—начала XVII в. в IX—XI томах «Истории государства Российского». Напомним, что к описанию царствований Федора Ивановича и Бориса Годунова Карамзин приступил после 1819 г.: девятый том «Истории» был завершён в декабре 1820 г., в марте 1821 г. он приступил к работе над десятым томом, в ноябре 1822 г. писал главы, связанные с событиями времени Лжедмитрия. Девятый том «Истории» вышел в свет в 1821 г., десятый и одиннадцатый были сданы в набор одновременно в ноябре 1823 г. и поступили в продажу в марте следующего года.¹

Уже в правление Федора Ивановича, по Карамзину, «люди государственные» и «граждане столицы» изъявляли вообще не-любовь к Борису», уже тогда он преследует Шуйских, прибегает к услугам доносчиков и шпионов, «опасается людей», страхом стремится обуздать недоброжелателей, милостями умножает число своих сторонников и хитрой политикой пресекает «злословие». Обуреваемый честолюбием, Годунов страстно мечтает стать царем, его не удовлетворяет та власть, которой он достиг при Федоре Ивановиче. «Престол, — пишет Карамзин, — казался Годунову не только святым лучезарным местом истинной, самобытной власти, но и райским местом успокоения, до коего стрелы вражды и зависти не досягают и где смертный пользуется как бы божественными правами».² Достижению этой цели препятствовал только царевич Дмитрий, становившийся в случае смерти Федора Ивановича законным наследником трона. «Сей алчный властолюбец (Годунов. — В. К.), — в представлении Карамзина, — видел между собою и престолом одного младенца безоружного, как алчный лев видит агнца! . . .»³ Преступив законы нравственности, Годунов с помощью сообщников убивает царевича и открывает себе путь к трону.

Как и в «Исторических воспоминаниях», в «Истории» Карамзин высоко оценивает деятельность Годунова на русском престоле. Однако в «Истории» Карамзин считает не все царствование Годунова благотворным для государства, а только его два первых года. Достигнув престола злодейством, царь вскоре должен был вкусить плод «беззакония и сделаться одною из удивительных жертв суда небесного». Этому суду вначале предшествовало «внутреннее беспокойство»: помня об убийстве Дмитрия, Годунов начал «страшиться» людей, удаляться от народа. Он стал подозрительным, в широких масштабах прибегал к шпионству и пыткам. Беззаконие и разврат постепенно воцарились в государстве. Годунов, с его мятущейся душой, в изображении Карамзина, словно бы не знает, что ему делать: преследуя людей как тиран, он одновременно старается приобрести их доверие, например, прилагает большие усилия, чтобы устранить последствия голода 1601 г. Все было напрасно, недовольство делалось всеобщим, и Карамзин решительно утверждает, что «россияне уже не любили Бориса». Но и в этих условиях, полагает историограф, Годунов мог бы царствовать еще много лет, если бы провидение в отплату за совершенное преступление не послало ему в казнь Лжедмитрия, обеспечивая последнему одну победу за другой. С душой, смятенной ужасом, с волей, скованной силой провидения, царь-преступник ничего не мог поделать с безродным бродягой Лжедмитрием. Теперь в изображении Карамзина Годунов кончает свои счеты с жизнью не самоубийством, а умирает по воле все того же провидения.

Такова картина возвышения Бориса Годунова и его царствования, нарисованная Карамзиным в «Истории». Нетрудно заметить, насколько резко она отличается от той, что была дана им же в «Исторических воспоминаниях» в 1803 г. В «Истории» хитрость Годунова (черта правителя, весьма необходимая в представлении Карамзина) превратилась в лицемерие, «беспокойная подозрительность» — в душевное смятение, «притеснительность» — во вспышки тиранства, поддержка народа — в его «не любовь», блестящее царствование — в успешный ход государственных дел только первых двух лет пребывания Годунова на престоле, самоубийство — в естественную смерть по воле провидения, творящего неумолимую расправу над венценосцем за преступление против нравственности, а впоследствии наказывающей за царя-преступника и государство.

Изменения касались не только общей оценки правления Годунова, но и многочисленных деталей повествования. Приведем один из примеров.

«Исторические воспоминания»

«Иностранные писатели (Маржерет. — В. К.) замечают, что он весьма редко показывался народу, не трудно угадать причину: Годунов — царь боялся напомнить ему лицом своим Годунова — поддан-

«История»

«Но венценосец знал свою тайну, и не имел утешения верить любви народной; благоволит Россия, начал удаляться от россиян; отменил устав времен древних: не хотел в известные дни и часы выходить к народу, выслушивать его жалобы и собственными

ного — страх, неизвестный наследственным венценосцам.⁴

Но, пожалуй, самое главное в том, что меняются не только отдельные авторские интонации, а голос Карамзина как историка, выдвигаются иные критерии оценки Годунова как исторического лица.

«Исторические воспоминания»

И сего монарха, о котором Петр Великий отзывался с уважением, и которого имя сам царь Михаил велел сохранить на Иване Великом, несмотря на то, что родитель его был гоним Борисом, сего монарха, говорю, летоисцы наши не стыдятся описывать безумным злодеем. . . Мы, слава богу! живем в такие времена, в которые можем и должны рассуждать; изъясняем характер человека делом и делом характером человека; знаем, что властолюбие умных людей не всегда бывает чуждо злодейства, но что для вероятности сего злодейства надобно доказать связь его с пользою властолюбия. . .⁶ Всякий, кто знает историю отечества, кто умеет ценить характеры и дела, будучи в Лавре, захочет видеть эту смиренную палатку (могилу Годунова. — *В. К.*), устремит на нее глаза с любопытством; скажет: «Вот чем должно кончиться земное властолюбие!» и примолвит: «Бог судит тайные злодеяния, а мы должны хвалить царей за все, что они делают для славы и блага отечества».⁷

руками принимать челобитные; являлся редко и только в пышности недоступной. Но убегая людей — как бы для того, чтобы лицом монарха не напомнить им лице бывшего раба Иоаннова — он хотел невидимо присутствовать в их жилищах или в мыслях. . .⁵

«История»

Но имя Годунова, одного из разумеиших властителей в мире, в течение столетий было и будет приносимо с омерзением, во славу нравственного неуклонного правосудия. Потомство видит Лобное место, обгаренное кровию невинных, святого Дмитрия, издыхающего под ножом убийц, героя Псковского в петле, столь многих вельмож в мрачных темницах и кельях, видит гнусную мзду, рукою венценосца предлагаемую клеветникам-доносителям, видит систему коварства, обманов, лицемерия пред людьми и богом. . . везде личину добродетели, и где добродетель? В правде ли судов Борисовых, в щедрости, в любви к гражданскому образованию, в ревности к величию России, в политике, мирной и здоровой? Но сей яркий для ума блеск, хладен для сердца, удостоверенного, что Борис не усомнился бы ни в каком случае действовать вопреки своим мудрым государственным правилам, если бы властолюбие потребовало от него такой перемены Он не был, но бывал тираном, не безумствовал, но злодействовал подобно Иоанну, устраняя совестников или казняя недоброжелателей. Если Годунов на время благоустроил державу, на время возвысил ее во мнении Европы, то не он ли и ввергнул Россию в бездну злополучия, почти неслыханного — предал в добычу ляхам и бродягам, вызвал на феатр сонм мстителей и самозванцев истреблением древнего племени царского. Не он ли, наконец, более всех содействовал уничтожению престола, воссев на нем святоубийцею?⁸

Итак, рассуждения автора «Истории» — это фактический спор с автором «Исторических воспоминаний» о том, как оценивать действия самодержца. Карамзин 1803 г. опровергается Карамзиным 1820-х гг. Первый был склонен оправдать возможное злодейство государственной пользой, уповая на наказание, которое преступник понесет от неба. Второй творит нравственный суд над самодержцем, видя в этом знаменательный урок для потомства.

Он утверждает, что монарх, совершивший преступление, человек, достигший цели злодейством, достоин осуждения. Оценка с точки зрения государственной пользы заменяется нравственной оценкой, ограниченной, правда, как можно понять, представлением о все той же государственной пользе: Годунов убил не человека, «младенца», как у А. С. Пушкина, а законного наследника, что привело в конце концов к династическому кризису.

Различная оценка Карамзиным Бориса Годунова была замечена уже его современниками: ведь всего за год до выхода девятого тома «Истории» и за четыре до издания десятого и одиннадцатого томов читатели получили третье издание Сочинений Карамзина, куда без переработки вошли и «Исторические воспоминания». В 1825 г. Ф. В. Булгарин в рецензии на десятый и одиннадцатый тома «Истории», сравнив два повествования Карамзина, спрашивал: «Неужели история должна быть строже и неумолимее законов, которые не знают лица, осуждая одно преступление? Красноречие с жадностью ловит все случаи, где может блеснуть своими цветами, но красноречивые упреки не доказательства. Хладнокровный изыскатель ищет в истории дел, событий, мнения предков, очищает критикой и определяет им степень вероятия по мере доказательств».⁹ В 1829 г. М. П. Погодин, пытаясь в одной из своих работ доказать непричастность Годунова к убийству царевича Дмитрия, заметил: «...сам историограф... был расположен защищать Бориса и **первый**, к славе своей, заметил несправедливость летописей — удивительно, что после, в „Истории“, он переменял свое мнение, не показав причины, которые его к тому побудили».¹⁰ Любопытное свидетельство сохранил для нас дневник В. К. Кюхельбекера. В 1832 г., прочитав «Исторические воспоминания», Кюхельбекер записал: «Здесь говорит и судит совсем не тот человек, что написал „Историю государства Российского“, и не знаю, не справедливее ли мысли Карамзина в 1802-м году, чем в 1820-м и последующих? По крайней мере, они искреннее. Еще в 1818 году я слышал от самого Карамзина, что так называемого „Лжедмитрия“ (разумеется первого) считать истинным. О Борисе в „Воспоминаниях“ он также судит совершенно иначе, нежели в „Истории“».¹¹ Наконец, уже много позже на этот факт обратил внимание П. И. Бартенев.¹²

Во времена Бартенева была известна и еще одна оценка Годунова Карамзиным. Она содержалась в «Записке о древней и новой России», поданной историографом в 1811 г. по примеру многих представителей того класса, к которому он принадлежал, Александру I. Известная только очень узкому кругу современников, «Записка» Карамзина содержала развернутую критику основных мероприятий правительства Александра I первых лет его царствования в области внешней политики, государственных преобразований, реформ в области экономики, финансов, просвещения и др. Написанная в период все более обострявшегося кризиса международной обстановки, в частности, в отношениях с Наполеоном, а также недовольства внутренней политикой пра-

вительства Александра, «Записка» соединила в себе элементы исторического повествования, политического трактата и публицистического сочинения, отразив консервативные дворянские и крепостнические убеждения автора. Собственно вся ее первая часть представляла собой краткий обзор русской истории с древнейших времен до начала XIX в. Вскользь упомянув здесь об Иване Грозном, не сказав ни слова о Федоре Ивановиче, Карамзин специально остановился на Борисе Годунове. «Сей несчастный, — пишет в «Записке» историограф, — сраженный тенью убитого им царевича, среди великих усилий человеческой мудрости и в сиянии добродетелей наружных, погиб как жертва властолюбия неумеренного, беззаконного в пример векам и народам. Годунов, тревожимый совестью, хотел заглушить ее священные укоризны действиями кротости и смягчал самодержавие в руках своих: кровь не лилась на Лобном месте, ссылка, заточение, невольное пострижение в монахи были единственным наказанием бояр, виновных или подозреваемых в злых умыслах. Но Годунов не имел выгоды быть любимым, ни уважаемым, как прежние монархи наследственные. Бояре, некогда стояв с ним на одной ступени, ему завидовали, народ помнил его слугой придворным. Нравственное могущество царское ослабело в сем избранном венценосце».¹³

Характеристика Годунова в «Записке» представляет собой «средний вариант» между отзывами, содержащимися в «Исторических воспоминаниях» и «Истории». С «Историческими воспоминаниями» ее сближает тезис о «смягчении» Годуновым самодержавия (но уже не как следствие «государственной мудрости», а как последствие «тревожимой совести»), отсутствие обвинения даже в отдельных вспышках тиранства. Здесь же Годунов еще фигурирует как «русский Кромвель» по своему уму. Зато теперь Карамзин уже не сомневается в причастности Годунова к убийству царевича Дмитрия. Он же отрицает любовь и уважение бояр и народа к самодержцу, категорически утверждая, что Годунов ослабил «нравственное могущество царское» и своим убийством, и своим, пусть и законным, избранием, на престол.

И такая эволюция взглядов Карамзина в оценке Годунова произошла открыто на глазах современников, предоставляя сильное оружие в руки критиков историографа. Очевидно Карамзин, публично отвергая свою прежнюю точку зрения, имел на это достаточно веские причины.

Дочь близкого к Карамзину графа Д. Н. Блудова — А. Д. Блудова в своих воспоминаниях оставила интересную подробность. «Карамзин говаривал отцу моему, — пишет она, — как надо быть осторожным в оценке лиц и событий прошлого времени, остерегаться собственного увлечения при изучении современных описаний и односторонних рассказов, а надо принимать во внимание совокупность показаний и глубоко укоренившийся общий взгляд на лица и на события, когда этот взгляд переходит в сознание народное. Карамзин говорил ему, например, что хотя точных

доказательств нет против Бориса Годунова в деле убийства царевича Дмитрия, однако, у него полное внутреннее убеждение в его соучастии, убеждение, исходящее от того, что, изучая историю вообще, он проникнулся мыслью, что не может остаться осужденным во мнении своего народа в течение двух столетий историческое лицо, оклеветанное **невинно**. Он полагал, что потомство есть своего рода **кассационный суд**, который разбирает **инстинктивно** дела прошедших времен. . . и что есть великая историческая правда, которая. . . восстанавливает честь и невинность тех деятелей, которых имена пострадали только от страстей и злобы или от предрассудков современников. . .»¹⁴ Сделав скидку на память Блудовой, а следовательно, учитывая возможную неточность ее передачи слов Карамзина, обратим тем не менее внимание на смысл высказывания историографа. Карамзин, в передаче Блудовой, в установлении достоверного исторического факта отдает предпочтение не анализу исторических источников, а народному мнению, якобы инстинктивно способному сохранить истинное знание об историческом факте. Такое представление в целом не противоречило общим мировоззренческим убеждениям Карамзина. В его изображении народ выступал носителем не только консервативных, прежде всего самодержавных, устоев, но и идеи справедливости, связанной, в частности, с нравственной оценкой народом тех или иных действий самодержцев. При такой постановке проблемы поиски истины как таковой теряли смысл. Гораздо важнее было то, что «переходит в сознание народное» и спустя десятилетия приобретало не простое познавательное значение, но широкое нравственное звучание. Отсюда смерть царевича Дмитрия становилась в центре всех остальных рассуждений, а причастность или непричастность к ней Годунова — главным критерием оценки всей его деятельности.

Весьма многозначительно в воспоминаниях Блудовой звучат слова Карамзина о том, что к исходной точке оценки Годунова — убежденности в его причастности к смерти царевича Дмитрия он пришел, «изучая историю вообще». Этой «историей вообще» стало для историографа время, в которое он жил.

В 1804 г. был схвачен и казнен один из принцев дома Бурбонов — герцог Ангиенский. Убийство, вызвавшее во всей Европе осуждение, было совершено по приказу Наполеона. Фигура первого французского консула, а затем императора заинтересовала Карамзина, как и многих современников, с первых шагов его политической деятельности. Деятельность «начальника французской республики» по восстановлению монархических порядков хотя и вызывала у Карамзина настороженность, но в целом, в течение ряда лет встречала неизменное одобрение.¹⁵ Со временем восхищение личностью и государственными талантами Наполеона у Карамзина сменяется разочарованием, растерянностью и страхом. После провозглашения Наполеона императором Карамзин писал брату: «Наполеон Бонапарт променял титул великого человека на титул императора: власть показалась ему лучше

славы». ¹⁶ В начале 1806 г., после объявления о начале военной кампании антинаполеоновской коалиции, историограф уже с беспокойством сообщал брату: «Дела чудные! Бонапарте должен быть помешан, перебьет и перестреляет он еще многих, пока совершенно не сойдет с ума или не взбесится. Такого медведя давно не было в свете». ¹⁷ Письма к брату 1809—1810 гг. пропитаны уже явной тревогой: «Чего хочет провидение — не знаю, но если великий Наполеон поживет еще лет десять или более, то будет много чудес»; ¹⁸ «Надобно верить провидению, иначе трудно успокоить себя»; ¹⁹ и т. д.

К 1811—1812 гг. Наполеон представляется Карамзину уже злым гением, который, движимый властолюбием, стал нарушителем «порядка и закона», царивших в Европе. Свое отношение к французскому императору историограф выразил в 1814 г. в стихотворении «Освобождение Европы и слава Александра I». Здесь, кратко характеризуя наиболее знаменательные события европейской истории конца XVIII—начала XIX вв., Карамзин рисует Наполеона хитрым, лживым, властолюбивым человеком, узурпировавшим власть монархом», «державным палачом», превратившем в закон грубую силу. Рисуя состояние Европы в период могущества французского императора, историограф пишет:

В чертогах, в хижинах стены;
В венцах главы рабов сияли,
Престолы сделались стыдом.
Темнели разум, просвещение:
Долг, честь казались сном.
Слабела вера в провиденье:
«Где мститель? где любовь отца?»
Грубели чувства и сердца.²⁰

Сравнивая отношение Карамзина к Наполеону и характеристику Бориса Годунова, данную в «Истории», можно легко заметить многочисленные параллели: движущими мотивами поступков того и другого являются безграничное властолюбие, пренебрежение нравственными идеалами. Наполеон в погоне за безграничной властью убивает одного из наследников королевского трона, Годунов — последнего законного наследника династии Рюриковичей на русском престоле. Одинаковое возмездие в конце концов, по Карамзину, ожидало их обоих: карающая рука провидения сковывает военный гений Наполеона, свергает его с престола, она же посылает Борису Годунову мстителя Лжедмитрия, перед которым оказываются бессильными все его выдающиеся способности государственного деятеля и военачальника. Таким образом, оценку прошлого Карамзин скорректировал выводами, сделанными из современной ему действительности. В результате прошлое в значительной степени утрачивало неповторимость, начинало удивительно напоминать настоящее. Исторический рассказ с определенным образом расставленными акцентами становится рассказом о современности и нес в себе отчетливо выраженные оценки современности.

В параллели Годунов—Наполеон Карамзин стремился показать, сколь опасны для самодержца безграничное властолюбие и попрание нравственных норм. Истинная монархия, по Карамзину, предполагает безграничную власть самодержца, основывается на его высоких личных добродетелях. Поэтому, утверждает историограф, самодержавная власть — это всегда испытание ее носителя. Однако, в «Истории» его интересует не только власть самодержца как таковая, но и путь к ней. И эту проблему с учетом современной ему действительности историограф также пытается решить на примере Бориса Годунова.

В «Записке о древней и новой России» Карамзин, исходя из своей давней идеи мирной эволюции человечества, обосновывал мысль о постепенном изменении всех сторон российской действительности в рамках самодержавно-крепостнического строя. Нарисовав мрачную картину состояния русского государства в начале XIX в., утверждая, что страна находится на краю пропасти, Карамзин связывал все это с необдуманными и поспешными преобразованиями правительства Александра I. Здесь историограф угрожает императору не выступлением народных масс. «Записка» обвиняет «советников трона» в коварных, преступных замыслах, в действиях в пользу «своего личного самолюбия». Эти советники, по мнению Карамзина, подчинили своему влиянию доверчивую и благородную душу Александра I. Историограф предупреждал императора: среди его советников зреет заговор. Для Карамзина это означало опасность, более страшную, чем народное восстание. Напоминая об убийстве Павла I и решительно осуждая его, он пишет: «Если некоторые вельможи, генералы, телохранители присвоят себе власть тайно губить монархов или сменять их, что будет самодержавие? — игралищем олигархии? . . .»²¹

В «Записке» нет ни одного конкретного имени «советников» императора, чью деятельность так страстно осуждал Карамзин. Однако для читателя начала XIX в. не было секрета в том, против кого она была направлена в первую очередь. «Записка» писалась в период наивысшего влияния государственного секретаря М. М. Сперанского, разработавшего широкие планы преобразования российской действительности. Задуманные реформы, о которых историограф был хорошо осведомлен от своего друга, министра юстиции И. И. Дмитриева, лиц «тверского салона» великой княгини Екатерины Павловны, а также некоторые преобразования, уже проведенные в жизнь по инициативе Сперанского, и стали в первую очередь предметом критики Карамзина.

Представление о заговоре в правительстве, возглавляемом Сперанским, были широко распространены среди современников Карамзина. Это было мощное орудие клеветы реакционеров и консерваторов, озлобленных совершившимися и задуманными нововведениями. Нередко такого рода заговор связывался и с наполеоновскими кознями против России. Так, например, Ф. В. Ростопчин в своей «Записке о мартинистах» (для великой княгини Екатерины Павловны), говоря о масонах и их связях с фран-

цузским императором, предупреждал, что они «поставили себе целью произвести революцию, чтобы играть в ней видную роль, подобно негодьям, которые погубили Францию». Ставя в центре «заговора» Сперанского, Ростовчин отмечал, что мasons «все более или менее преданы Сперанскому, который не придерживаясь в душе никакой секты, а может быть, и никакой религии, пользуется их услугами для направления дел и держит их в зависимости от себя».²² Любопытный отголосок взглядов на Сперанского как лидера заговорщиков сохранила записка князя А. Б. Куракина, составленная уже много позже для Николая I. В ней передается разговор Сперанского периода его наибольшего влияния с одним из современников. «Пора нам сделаться русскими», — сказал однажды Сперанский. Его собеседник отвечал ему: «Что же, не тебя ли уже в цари русские?» Сперанский же как будто в шутку возразил: «А хотя бы и меня, не меня одного — и вас, мало ли людей русских, кроме немцев».²³

Если теперь обратиться к X—XI томам «Истории», можно заметить целый ряд деталей, имеющих прямую аналогию с фактами первых лет царствования Александра I. Особенно бросается в глаза изменение акцентов в «Истории» по отношению к фактам, имевшимся в «Исторических воспоминаниях».

«Исторические воспоминания»

Мирное и кроткое царствование Федора, после ужасов Иоаннова казалось народу и дворянству истинным золотым веком: так выгодно быть преемником жестокого царя!

А как все знали, что Федор мало занимался государственными делами. . . слабый душой и телом. . . Будучи только 17-м членом Тайного Совета (он состоял из 31 человека), Годунов. . .²⁴

«История»

Но царствование жестокое часто готовит царствование слабое: новый венценосец, боясь уподобиться своему нешавистному предшественнику и желая снискать любовь общую, легко впадает в другую крайность, в послабление, вредное государству. . .

На громоносном престоле свирепого учителя Россия увидела постника и молчалиника, более для келии и пещеры, чем для власти рожденного. . . Новая пентархия или Верховная Дума, составленная умирающим Иоанном из пяти вельмож, была предметом общего внимания, надежды и страха.²⁵

Из этих сопоставлений видно изменение акцентов. Характеристика царствования Федора Ивановича в «Исторических воспоминаниях» как «мирного и кроткого», т. е. в целом благотельного для государства, в «Истории» превратилась в царствование «слабое». Выгода быть преемником царя-тирана на престоле, представленная в «Исторических воспоминаниях» стала в «Истории» нелегким испытанием для самодержца. Федор Иванович «Исторических воспоминаний» — царь в общем-то неплохой, но мало уделявший внимания государственным делам, изображается в «Истории» самодержцем лишь в силу закона престолонаследия, человеком, полностью не способным к государственной деятельности. Тайный Совет как совещательный орган при монархе, состоящий из 31 человека, в «Истории» превратился в Верховную

Думу из пяти вельмож. Любопытно, что в последнем случае источники, находившиеся в распоряжении Карамзина, не говорят прямо ни о «Тайном Совете», ни о «Верховной Думе». Противоречивы и их свидетельства о количестве и конкретных лицах регентского совета при Федоре Ивановиче. В «Истории» Карамзин следует в этом вопросе за Д. Горсеем, сочинение которого было известно ему и при написании «Исторических воспоминаний».

Уже эти сопоставления убеждают в том, что текст «Исторических воспоминаний» был в «Истории» сознательно переработан Карамзиным. Повествование о царствовании Федора Ивановича стало удивительно напоминать царствование Александра I. Это сходство, во-первых, основывалось на прямых аналогиях: тиран Иван Грозный, после которого наступает царствование слабого Федора Ивановича, и деспот Павел I, от которого принял венец поддающийся влияниям честолюбивых советников Александр I; «пентархия» при царе Федоре и Негласный комитет и Непременный совет (в тексте «Истории» Карамзин весьма многозначительно оговаривается, называя Верховную Думу однажды Советом) при Александре I; династический кризис, вызванный смертью царевича Дмитрия, отсутствием сына у Федора Ивановича, и запутанность с престолонаследием при Александре I.²⁶ Во-вторых, в характеристику царствования Федора Ивановича Карамзин прямо включает представления многих его современников о первых годах царствования Александра I, прежде всего мнение о том, что советники императора «овладели слабым господином». В этом легко убедиться, сравнивая «Записку о древней и новой России», где приведена сводка таких мнений, и текст «Истории».

Но, конечно, главное впечатление о сходстве двух царствований создавала параллель: Годунов — Сперанский. Если внимательно вчитываться в текст «Истории», можно заметить, что целый ряд характеристик Годунова фактически повторяет распространенные в дворянских кругах начала XIX в. мнения о Сперанском и его деятельности. Приведем несколько примеров. «Пентархия, — пишет Карамзин, рассказывая о возвышении Годунова при Федоре Ивановиче, — учрежденная Иоанном, как тень исчезла. . .»²⁷ Действительно, уже после 1807 г. не приходится говорить о деятельности и Негласного комитета, и Непременного совета. Годунов, пишет далее Карамзин, «смело правил рулем государственным, повелевал именем царским, но действовал своим умом, имея советников, но не имея ни совместников, ни товарищей».²⁸ Но именно такие отзывы о Сперанском сохранили нам воспоминания его современников. На счет враждебного отношения недовольных преобразовательской деятельностью Сперанского можно отнести и следующую характеристику Карамзиным Бориса Годунова: «. . . он был предметом ненависти и злых умыслов, несмотря на все его уловки в искусстве обольщать людей. Сносясь от лица своего с монархами Азии и Европы, меняясь дарами с ними, торжественно принимая их послов у себя в доме, высоко-

мерный Борис желал казаться скромным: для того уступал первые места в Совете иным старейшим вельможам, но сидя в нем на четвертом месте, одним взором и движением перста заграждал уста противоречию. Вымышлял отличия, знаки царской милости, чтобы пленять суетность бояр. Господство беспредельное в самом достойном вельможе бывает противно народу. . .».²⁹

В тексте «Истории» мы можем найти и еще одно любопытное место. Повествуя о взаимоотношениях России с Англией при Федоре Ивановиче, Карамзин приводит одно из писем Годунова к английской королеве Елизавете. «Здесь, — продолжает затем историограф, — в первый раз видим вельможу российского в переписке с иноземным венценосцем, чего дотоле не терпела осторожная политика наших царей».³⁰ Это была одна из тех «апофегм» Карамзина, к которым он прибегал в «Истории» для открытого выражения своего отношения к современным фактам. Чтобы понять именно ее, необходимо вспомнить эпизод с отстранением в 1812 г. Сперанского от государственной деятельности. Уже после ссылки Сперанского Александр I узнал, что тот через сотрудников дипломатического ведомства тайно знакомился с секретной дипломатической перепиской. Эта история впервые стала широко известна после выхода книги Шильдера об Александре I. Однако о ней знал и Карамзин. Дело в том, что Сперанский уже из ссылки направил Александру I письмо с признанием своего интереса к тому, что не входило в его компетенцию. По воспоминаниям И. И. Дмитриева (они писались при жизни Карамзина и частями посылались ему), Александр I давал ему читать это письмо Сперанского, говоря, что тот «простер наглость свою даже до того, что захотел участвовать в государственных тайнах».³¹ Узнав через Дмитриева об этом эпизоде, Карамзин и включил его в переработанном и завуалированном под «древность» виде.

Разумеется, параллели двух царствований делались Карамзиным не только для того, чтобы его читатели, знакомясь с «Историей», обнаружили любопытные совпадения. Историографа интересуют судьбы самодержавия. Низкородный татарин, похитивший царский трон, и безродный попovich, как казалось ему, кравшийся к власти, олицетворяли одинаковую опасность для самодержавия, а значит, и государства. В первом случае, показывая Карамзин в IX и XII томах «Истории», это привело к тяжчайшим испытаниям для страны. Во втором случае, предупреждал он еще в «Записке о древней и новой России» Александра I, все это могло повториться в условиях близящейся войны с Наполеоном.

В 1815 г., определяя «пользу» истории, Карамзин заметил: «Правители, законодатели действуют по указаниям истории и смотрят на ее листы как мореплаватели на чертежи морей. Мудрость человеческая имеет нужду в опытах, а жизнь кратковременна. Должно знать, как искони мятежные страсти волновали гражданское общество, и какими способами благотворная власть ума обуздывала их бурное стремление, чтобы учредить порядок,

согласить выгоды людей и даровать им возможное на земле счастье».³² После 1819 г. в IX томе «Истории», вновь возвращаясь к «пользе» прошлого, историограф писал: «Жизнь тирана есть бедствие для человечества, но его история всегда полезна для государей и народов, вселять омерзение ко злу есть вселять любовь к добродетели и слава времени, когда вооруженный истинною дееспособностью может в правлении самодержавном выставить на позор такого властителя, да не будет уже впредь ему подобных! Могилы бесчувственны, но живые страшатся вечного проклятия в истории, которая не исправляя злодеев, предупреждает много злодейства, всегда возможные, ибо страсти дикие свирепствуют и в веки гражданского образования, веля уму безмолвствовать или рабским гласом оправдывать свои иступления».³³ И в том и в другом случае у историографа присутствует один общий адресат — самодержец. Но если в первом случае история для Карамзина — это положительный опыт прошлого, то во втором — это и негативные примеры исторического пути. Воплощая в Борисе Годунове черты двух исторических деятелей современности, историограф в рамках своих самодержавных убеждений стремился преподнести наглядный урок Александру I. Страх перед коренными преобразованиями отживающих общественных устоев, которые в какой-то момент олицетворялись в России начала XIX в. Сперанским, заставил Карамзина искать аналогий. Борис Годунов — правитель при Федоре Ивановиче должен был напугать Александра I тем, что мог бы сделать Сперанский. Борис Годунов — царь предупреждал о единстве расплаты во все времена за тиранию, отсутствие у самодержца высоких нравственных достоинств, свидетелем которой стали и люди начала XIX в. Урок политический и урок нравственный, окутанные в одежду идеологии «просвещенного абсолютизма», не только угрожали и предупреждали, но и осуждали за ошибки, допущенные императором.

Даже если не признать наши доказательства о сознательном стремлении Карамзина к рассмотренным выше аналогиям и об учете им исторического опыта своего времени, остается безусловным факт особого, в настоящее время в значительной степени утраченного, восприятия его «Истории» современниками. Уже после выхода первых восьми томов «Истории» некто К. Ш-в (возможно, поэт Шаликов) в краткой рецензии остроумно и явно двусмысленно обыграл тот факт, что они были напечатаны на бумаге низкого качества, похожей на газетную: «Первое внимание знатоков обращено было на бумагу... Тут пошло важное сравнение сей бумаги с тою, на которой печатаются газеты. „Точно такая же!“ — взывает один. — „Нет“, — возражает другой, — „немного побелее“».³⁴ Со «свежей газетой» сравнивал труд Карамзина и А. С. Пушкин. Нам представляется, что с учетом всего сказанного выше, неоднозначно можно толковать и сказанное им об историографе в 1830 г.: «Карамзин есть первый наш историк и последний летописец. Свою критикой он принадлежит

истории, простодушием и апофегмами хронике. . . Критика его состоит в ученом сличении преданий, в остроумном изыскании истины, в ясном и верном изображении событий. . . Где рассказ его неудовлетворителен, там недоставало ему источников: он их не заменял своевольными догадками. Нравственные его размышления своею иноческою простотою дают его повествованию всю неизъяснимую прелесть древней летописи. Он их употреблял как краски, но не полагал в них никакой существенной важности. . .»³⁵ «Последний летописец», «свежая газета» и «первый историк», «ученое сличение преданий» — не свидетельство ли это, по точному замечанию Пушкина, сложной компоновки «Истории», наличия в ней двух переплетающихся и мастерски поданных «пластов» — рассказа собственно о прошлом и повествования о современном Карамзину времени?

¹ Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866, с. 306, 340, 393 и др.

² Карамзин Н. М. История государства Российского. 5-е изд.: В 3-х кн., 12-ти т. СПб., 1843, т. X, с. 74.

³ Там же, с. 75.

⁴ Здесь и далее «Исторические воспоминания и замечания на пути к Троице» цитируются по: Карамзин Н. М. Сочинения. М., 1820, т. 8, с. 245.

⁵ Карамзин Н. М. История, т. XI, с. 56.

⁶ Карамзин Н. М. Сочинения, т. 8, с. 243—244.

⁷ Там же, с. 249—250.

⁸ Карамзин Н. М. История, т. XI, с. 106.

⁹ [Булгарин Ф. В.] Критический взгляд на X и XI тома «Истории государства Российского», сочиненные Н. М. Карамзиным. — Северный архив, 1825, ч. 13, с. 71—72.

¹⁰ М[ихаил] П[огодин]. Об участии Годунова в убийстве царевича Дмитрия. — Московский вестник, 1829, ч. 3, с. 126.

¹¹ Дневник В. К. Кюхельбекера. Л., 1929, с. 62—63.

¹² П[етр] Б[аргенов]. Н. М. Карамзин. — Русский архив, 1911, № 8, с. 557.

¹³ Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России СПб., 1914, с. 13.

¹⁴ Воспоминания графини Антонины Дмитриевны Блудовой. — Русский архив, 1899, кн. 1, с. 105—106.

¹⁵ Кислягина Л. Г. Формирование общественно-политических взглядов Н. М. Карамзина. М., 1976, с. 143—144.

¹⁶ Атений, 1858, ч. III, с. 255.

¹⁷ Там же, с. 341.

¹⁸ Там же, с. 421.

¹⁹ Там же, с. 474.

²⁰ Карамзин Н. М. Сочинения. Пг., 1917, т. 1, с. 307.

²¹ Карамзин Н. М. Записка, с. 27.

²² Русский архив, 1875, № 9, с. 80.

²³ Шильдер Н. К. Император Александр Первый, его жизнь и царствование. СПб., 1898, т. 3, с. 32.

²⁴ Карамзин Н. М. Сочинения, т. 8, с. 236—237.

²⁵ Карамзин Н. М. История, т. X, с. 5—6.

²⁶ Как известно, Александр I не имел детей, и преемником престола должен был стать старший брат великий князь Константин Павлович, однако после женитьбы Константина было официально объявлено о том, что он не может быть наследником трона. В то же время манифест о Николае Павловиче как преемнике на русском престоле подписан Александром I только в 1823 г. Слухи об этом документе ходили по Петербургу, хотя его конкретное содержание стало известно лишь нескольким лицам, в том числе и Карамзину непосредственно от Александра I в 1823 г. Историкограф позже, в письме И. И. Дмитриеву, заверял, что он

вместе с женой «не изменили тайны», но в последних томах «Истории» престолонаследие становится одним из важнейших предметов его рассказа и озабоченности.

²⁷ Карамзин Н. М. История, т. X, с. 14.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же, с. 43—44.

³⁰ Там же, с. 20.

³¹ Шильдер Н. К., т. 3, с. 48.

³² Карамзин Н. М. История, т. I, с. 1.

³³ Карамзин Н. М. История, т. IX, с. 259.

³⁴ К. Ш-въ. Новость. — Сын Отечества, 1818, ч. 44, № 10, с. 157.

³⁵ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10-ти т. М., 1957, т. 7, с. 133—134.